

УДК 340.1

*Н.А. Шавенко***ИДЕЯ ПРАВА ПО ГУСТАВУ РАДБРУХУ**

Статья исследует категории справедливости, целесообразности и стабильности, предложенные Г. Радбрухом для раскрытия идеи права, анализируются достоинства и недостатки релятивистского подхода к проблеме правового идеала, выявляется соотношение взглядов Г. Радбруха и Р. Штаммлера на правовой идеал и понятие права, анализируется так называемая формула Радбруха. Приводится научная дискуссия о личном выборе Г. Радбруха из перечня релятивных целей. Делается вывод о том, что хотя стремление к справедливости Радбрух считал главным признаком права, но ставил справедливость выше стабильности только в случае явно «ущербных» законов, при которых стабильность перестает быть «минимумом» справедливости. Также констатируется, что ставя целесообразность ниже справедливости и стабильности, Радбрух считал, что идея справедливости неизбежно должна конкретизироваться релятивными воззрениями на целесообразность.

Ключевые слова: справедливость, правильное право, неокантианство, релятивизм, «формула Радбруха», Радбрух, Штаммлер, понятие права.

Густав Радбрух – выдающийся немецкий философ права неокантианского направления, как известно, определял право как действительность, которая по своей сути стремится к справедливости. По мнению автора, «из понятия справедливости вытекает, что равные требуют равного обращения, а различные – соразмерно различиям между ними. Но оба эти вопроса остаются открытыми: кого следует рассматривать в качестве равных или различных и как с ними обращаться? Справедливость определяет лишь форму права. Чтобы выяснить содержание права, необходимо дополнительно ввести понятие целесообразности» [8. С. 64]. Какова же цель права по Радбруху? «В сфере эмпирического познания мира существует лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это – *отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда*. Приняв основу этих благ за ценностный критерий, мы можем выделить три различных вида ценностей: *индивидуальные ценности, коллективные ценности и творческие ценности (Werkwerte)*». «Резюме конечных целей одним словом: для индивидуалистической точки зрения – *свобода*; для надындивидуалистической – *нация*; для трансперсональной – *культура*». Типичные образы названных целей: *договор, организм и здание* [8. С. 65-69]. Однако человек не в состоянии в одинаковой мере стремиться во всех указанных направлениях: три направления ценностей рано или поздно начинают противоречить друг другу, поэтому каждый человек должен сделать ценностный выбор. «В соответствии с принятым решением или жизненной позицией и особенно взглядами на право мы относим к одной или другой из этих групп ценностей *индивидуалистические, надындивидуалистические и полностью трансперсональные взгляды*» [8. С. 66-67].

Таким образом, Г. Радбрух, прямо не называет, подобно П.И. Новгородцеву, личность абсолютным идеалом [9. С. 49-52]. Однако некоторые исследователи отмечают, что ученый гораздо больше внимания уделил индивидуализму, чем коллективизму, одновременно трансперсонализм он вообще лишил политического значения [4. С. 53]. Многие исследователи (А. Kaufmann, К. Engisch) высказывали заслуживающую внимания мысль, что Радбрух в некотором смысле доводит свой релятивизм до логического конца, находя в правах человека (то есть в идее справедливости, которая их защищает) нечто окончательное и абсолютное, необходимое для любой системы ценностей, иными словами, релятивизм у него не является чем-то принципиально непреодолимым [18. С. 128; 19. С. 31-32]. Так, следуя Канту и Штаммлеру, Радбрух полагает, что даже при неравном отношении закона к различным лицам никто не должен низводиться лишь до средства. Более того, релятивизм, по Радбруху, подразумевает целую систему безусловных правовых принципов, которые призваны этот релятивизм обеспечить (демократия, правовое государство, независимость судебной власти и т.д.).

По мнению же Г.Д. Гурвича, «нет никакого сомнения в том, что Г. Радбрух отдает предпочтение трансперсоналистической концепции» [2. С. 382], и в этом Гурвич, как и в раскрытии антиномизма идеи права, видит положительные стороны философии права немецкого ученого [2. С. 395]. Отказ Радбруха от окончательного ответа на вопрос о приоритете индивидуализма и коллективизма Гурвич интерпретирует так, что правовой идеал имеет свои границы и не должен судить о том, что выходит за сферу права. В позиции Гурвича также имеется рациональное зерно. Так, отстаивая идеал

социализма, Радбрух писал, что во главу угла нужно ставить не личность (либерализм) или народ (национализм) как таковые, а то, к чему они должны стремиться – культуру. Социализм, по Радбруху, это построение культурной личности и культурной нации, это радость коллективного труда, в ходе которого индивид служит государству, а государство заботится об индивидах [12]. Однако с учетом того, что сам Радбрух называл социализм проявлением все той же индивидуалистической идеи [8. С. 81], позицию Гурвича следует отвергнуть.

Помимо справедливости и целесообразности (которая относительна и выражается в трех вышеназванных ценностных направлениях: индивидуализме, надиндивидуализме и трансперсонализме) третьим элементом идеи права является правовая обеспеченность (стабильность, *Rechtssicherheit*), раскрываемая также в трех ипостасях – правовой безопасности, правовой осведомленности и правовой неизменности – и требующая позитивации справедливости в законах, и разрешающая проблему относительности целей следующим образом: «Если невозможно *установить*, что справедливо, то необходимо *постановить*, что должно быть справедливо» [8. С. 87]. Таким образом, с учетом релятивизма целей Радбрух вынужден признать, что непознаваемость правильного (естественного) права» ведет к необходимости практически безусловного соблюдения позитивного права, но тут же делает оговорку: «Не существует спекулятивных доказательств того, что основанное на законе право (позитивное право), несправедливость которого несомненна и общепризнанна, должно продолжать действовать» [8. С. 27]. В большинстве случаев исполнение несправедливого закона, по Радбруху, является не только правовой, но и нравственной обязанностью, так как всякий закон уже фактом своего существования выполняет нравственную цель – обеспечивает устойчивость общественного порядка [5. С. 15]. Профессиональный долг судьи состоит в том, чтобы применять закон, вне зависимости от справедливости последнего. В данном случае мы можем сказать, что судьей достигается как минимум одна из основ справедливости – стабильность, а в случае судейского произвола велик риск не получить даже этого. По Радбруху, «позитивность входит в понятие правильного, истинного права», справедливость и целесообразность представляют собой вторую великую задачу права, «первая же – равным образом всеми одобренная – правовая стабильность, безопасность, то есть порядок и мир» [8. С. 87]. В другом месте автор пишет: «Справедливость – вторая важнейшая задача права. Первая же – правовая стабильность, мир, порядок». Однако тут же ученый осторожно заявляет: «Три элемента идеи права равноценны, и в случае конфликта между ними однозначное решение невозможно» [8. С. 99]. Мы процитировали здесь работу 1932 г., но аналогичная двусмысленность присутствует и в более ранних трудах ученого 1910 г., где он также пишет, что приоритет той или иной идеи права является предметом не научных, а партийных дискуссий, но с другой стороны, стабильность есть первая задача права, а справедливость – лишь вторая [5. С. 15-17]. В итоге имеется неясность в вопросе о том, существует ли иерархия ценностей стабильность(1) – справедливость(2) – целесообразность(3), или же ценности равнозначны.

С другой стороны, Радбрух признает, что «вполне мыслимы случаи, когда содержание неправомерных актов, степень их несправедливости или нецелесообразности столь значительны, что правовая стабильность, гарантированная действующим правом, не может приниматься во внимание». По всей видимости, имеется в виду ситуация, когда право настолько отклоняется от своей идеи, что теряются главные его характеристики, поэтому такое право считается недействительным и неправомерным. «Несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права – общую пользу, правовую стабильность и справедливость, и остается лишь выбирать между тем, соглашаться ли во имя правовой стабильности на действие плохого, вредного или несправедливого закона или отказать ему в действии, учитывая его несправедливость и вред, наносимый всему обществу. Но народ и юристы в особенности должны четко осознавать, что хотя законы, в значительной мере несправедливые и наносящие ущерб обществу, и могут существовать, *им следует отказываться в действии и в признании их правового характера*» [8. С. 196].

В итоге автор, по сути, предлагает уже другую иерархию: стабильность не может покушаться на справедливость и целесообразность «в значительной мере». Что это значит, остается неясным, но в любом случае релевантной является ситуация, когда стабильность покушается на другие ценности права до такой степени, что последние вообще отрицаются и становятся невозможными. Единичное несправедливое судебное решение в интересах стабильности вполне может быть признано действующим.

В итоге мы имеем триединство справедливости, целесообразности и стабильности: «Справедливость указывает нам, что равное следует регулировать одинаково, а неравное – неодинаково, но она ничего не говорит о критериях, в соответствии с которыми то или иное следует характеризовать

как равное или неравное. Наконец, она определяет лишь отношения, но не вид регулирования. На оба эти вопроса можно ответить, исходя лишь из цели права. Наряду со справедливостью второй составной частью идеи права является целесообразность. Однако на вопрос о цели и целесообразности нельзя ответить однозначно. Ответ будет носить лишь относительный характер и может быть получен благодаря систематическому изучению различных правовых, государственных и партийно-политических воззрений. Этот релятивизм не является последним словом философии права. Право как регулятор общественной жизни не может быть поставлено в зависимость от различий во мнениях отдельных индивидов. Оно должно быть единым порядком над всеми» [8. С. 86].

Радбрух соглашается с мнением, что справедливость и стабильность являются «чисто правовыми ценностями», тогда как цель в праве представляет собой скорее не правовой, а социальный, политический, культурный феномен [8. С. 114]. Он, таким образом, отказывается от свойственного другим неокантианцам поиска объективных критериев справедливости (критериев распределения социальных благ), ограничиваясь лишь ее общим понятием. Но это понятие выглядит очень близким неопозитивизму, в рамках которого распространено воззрение, что норма права должна распространяться также на издающего ее законодателя. По Р. Штаммлеру, которого некоторые авторы в части взглядов на понятие права называют неопозитивистом, данный признак отличает право от произвола.

Различие подходов Штаммлера и Радбруха к понятию произвола вызвано различным пониманием самого права и его связи с миром ценностей [3. С. 620-621]. Так или иначе, Радбрух безусловно осуждал то, что Штаммлер называл произволом (но только не как произвол, а как неправильное право, то есть «неправо»). В то же время очевидным неправом у Радбруха является не только то, что считается произволом, по Штаммлеру, – а произвол в строгом смысле у последнего касается только соотношения прав законодателя и остальных лиц, – но и, помимо сказанного, то, что представляет собой произвол уже любого человека, не обязательно законодателя, над любым другим человеком, по мнению же Штаммлера, никакое нарушение принципов правильного права не дает оснований считать закон «неправом»). Однако идея правового идеала требует более подробного и более практического критерия для оценки действующего права. У Штаммлера такой критерий имелся в виде принципов правильного права, идущих дальше противопоставления права и произвола и выражающих через понятие «ближнего» идею равного распределения прав, обязанностей и благ в рамках концентрических кругов «специальных общностей». Радбрух же, судя по всему, частично соглашается с этими принципами (в той мере, в какой они соответствуют «формуле Радбруха», то есть запрещают полное низведение человека до средства, а также лишают его возможности участвовать на равных с остальными в демократическом процессе избрания системы политических ценностей), частично заменяет их релятивизмом и «непрерывной дискуссией о справедливости», то есть дискуссией о последних ценностях в рамках идеи целесообразности (причем штаммлеровские принципы правильного права в этой части олицетворяют здесь, по-видимому, ценности индивидуалистические, с позиций же надындивидуальных и трансперсональных ценностей во имя нации, религии или других идей вполне допустимы ущерб и ограничения, непропорциональные для отдельных граждан, или равно невыгодные для всех граждан). Так в учении Радбруха тезис о «естественном праве с меняющимся содержанием» обращается в релятивизм. Вопрос в том, можно ли считать отсылку к неправовым критериям (цели) достаточной. Ученик Радбруха А. Кауфман положительно отмечал попытку своего учителя после 100 лет бессодержательных споров снова вернуться к «содержательно насыщенному социальному идеалу» [16. С. 67]. Но не является ли радбруховский релятивизм преувеличением, ведь он не следует непосредственно из неокантианской методологии? С другой стороны, релятивистский подход заслуживает внимание потому, что позволяет конкретизировать правовой идеал по отношению к ценностям того или иного общества, в результате чего для каждого общества справедливость может оказаться своей.

Итак, идея права состоит из справедливости, воздающей за равное – равным, за неравное – неравным, целесообразности, которая относительна и может принимать три ипостаси, и стабильности, которая компенсирует релятивизм целей. При ближайшем рассмотрении, пишет Радбрух далее, все три идеи права противоречат друг другу: справедливость конфликтует с целесообразностью, вместе они восстают против стабильности и т. д. В разное время доминирующей была одна из этих идей.

После Второй мировой войны ученый в ряде статей вновь высказывает свои взгляды на соотношение справедливости, целесообразности и стабильности. Он пишет, например, «если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недейст-

вительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер» [7. С. 226]. Здесь, как мы видим, речь уже идет о попрании только лишь справедливости, но не целесообразности, то есть автор, с одной стороны, меняет иерархию ценностей права, понижая целесообразность. С другой стороны, целесообразность и раньше ставилась Радбрухом на последнее место (он указывал, что стабильность занимает первое место, а справедливость – второе). «В иерархии этих ценностей, – пишет он после Второй мировой войны, – мы должны поставить целесообразность права в том, что касается общего блага, на последнее место. Право не является только тем, что «полезно народу». Но народу полезно, в конечном счете, то, что является правом, что создает правовую стабильность и стремится к справедливости. Правовая стабильность, которая присуща каждому действующему закону в силу его позитивности, занимает среднее положение между целесообразностью и справедливостью» [6. С. 223].

В последнем процитированном предложении Радбрух ставит справедливость выше стабильности. Но одновременно он уточняет, что справедливость имеет приоритет лишь тогда, «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «неправильное право» отрицает справедливость, когда к справедливости даже не стремятся, а когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе» (так называемая формула Радбруха) [6. С. 224]. Примером таких ущербных законов (*Schandgesetzen*), по Радбруху, являются случаи, когда отдельные нации или расы по закону признаются «неполноценными» (*Untermenschen*), когда для множества преступлений разной степени тяжести и с разными формами вины преступников применяется одна и та же мера наказания (смертная казнь), когда предательством считается «вражеских» радиопередач и малейшие замечания в адрес фюрера. Преступления против человечества также представляют собой неправое, даже если облечены в форму закона. Кроме того, ущербным Радбрух называл «Исключительный закон против социалистов» от 19.10.1878 г. Как видно, «формула Радбруха» представляет собой только «негативный», а не «позитивный» критерий справедливости (несправедливо то, что явно отрицает равенство людей). К сожалению, даже при такой (фальсификационной) ее трактовке, как верно отмечается в литературе, сложно установить, чем отличается просто несправедливое от «невыносимо» несправедливого [14. С. 225].

Сказанное позволяет констатировать, что Г. Радбрух различает:

- нарушение права (закона);
- право (закон), неправильность (несправедливость) которого, ввиду ценностного релятивизма, мы не можем достоверно утверждать, а потому должны его соблюдать; здесь же можно выделить право, неправильное в несущественной мере, недостаточно справедливое право, которое лишь в некоторых случаях ведет к несправедливым следствиям (стабильность позитивного права тем не менее будучи «минимумом» справедливости в своей ценности «перевешивает» эти недостатки);
- (существенно) неправильное (несправедливое) право, или неправое (закон, очевидно отрицающий саму идею справедливости, и потому не являющийся правом недействительный).

В некотором смысле можно говорить, что у Радбруха имеется подобная взглядам Штамллера попытка разграничить «неправое и «просто неправильное право». Однако неправом будет являться не только то, что Штаммлер называл произволом, но и другие законы, которые даже не стремятся быть правильными (стабильность здесь даже не «минимум» справедливости, а ее враг). При этом штамллеровский тезис «право есть стремление к правильному» у Радбруха из благого пожелания превратился в правообразующий, понятие и действие права уже не разделяются (как у Штамллера), но только то, что является правом, и имеет юридическую силу. Этим обусловлены различные позиции двух ученых по поводу того, должен ли судья применять несправедливое право. По Штаммлеру, судья обязан применять любую норму права (если только это право, а не произвол); по Радбруху, неправое (явно несправедливое право) не подлежит применению.

Из приведенной «формулы Радбруха» следует, что взгляды немецкого ученого относительно соотношения стабильности и справедливости остались неизменными по сравнению с донацистским периодом. Нельзя признать верным весьма распространенное мнение (Г. Харт, Р. Марчич, а также целая плеяда немецких исследователей) о том, что после Второй мировой войны взгляды Радбруха пережили коренной переворот от позитивизма к естественному праву. Вряд ли вообще верно считать даже раннего Радбруха позитивистом (как писал А. Кауфманн, Радбрух был по ту сторону позитивизма и юснатурализма). Более близко к истине мнение С.Н. Полсона, указывающего на единство взглядов ученого во времени, и на то, что уточнению в последние годы жизни ученого подверглась лишь ие-

рархия элементов права. Но в чем именно состоит изменение этой иерархии? С одной стороны, неверно мнение, что с течением времени Радбрух понизил роль стабильности и повысил роль справедливости [1. С. 6-7]. С другой стороны, тезис о понижении роли целесообразности также дискусионен. По сути, Радбрух и после войны излагал те же взгляды, просто не всегда одинаково формулировал их. Так, Э. Вольф и А. Кауфманн справедливо полагали, что в рассматриваемый период получили дальнейшее развитие прежние идеи ученого. И действительно, уже в работе «Проблематика идеи права» (1924) мыслитель отказывается законам, направленным против идеи справедливости («равным за равное, неравным за неравное»), в статусе права. Но даже с учетом этого нельзя, однако, назвать взгляды Радбруха достаточно четкими: с одной стороны, ценность справедливости, стабильности и целесообразности одинакова; с другой стороны, имеется иерархия этих элементов, в которой целесообразность однозначно стоит на последнем месте, а справедливость имеет приоритет над стабильностью только в случае принятия явно отрицающих справедливость законов (хотя Радбрух в своих трудах ставил выше сначала стабильность, а потом справедливость, но сути их соотношения это не меняет); с третьей стороны (что лучше прослеживается в ранних взглядах Радбруха) стабильность не должна отрицать не только справедливость, но также и целесообразность, поэтому неясно, почему справедливость занимает высшее место, а целесообразность низшее. «Правовой стабильности требует, с одной стороны, общее благо (то есть государство), а с другой – справедливость» [6. С. 233]. Но в таком случае не ясно, почему Радбрух рассматривает стабильность как составную часть и гарантию справедливости, но не как составную часть целесообразности.

Западные исследователи видят в «формуле Радбруха» два отчасти совпадающих критерия, при которых закон не должен считаться правом: критерий «невыносимой несправедливости закона» (*Unerträglichkeitsthese* – критерий невыносимости) и критерий «отрицания законом справедливости, отсутствия даже стремления к ней» (*Verleugnungsthese* – критерий отрицания) [4. С. 50]. При этом некоторыми авторами первый критерий считается порой объективным (связанным с объективной моралью), а второй – субъективным (связанным с часто недоказуемыми намерениями законодателя) [11. С. 15-16]. Другие говорят, что первый связан с действием права, а второй – с понятием права [13. С. 144]. Нам представляется такое разграничение искусственным: в действительности под «невыносимой несправедливостью» имеется в виду именно «отрицание справедливости».

Таким образом, конфликт трех элементов права не может быть разрешен абсолютно, но стабильность имеет условный приоритет перед справедливостью, который отменяется в случае, соответствующем «формуле Радбруха» [15. С. 68]. Это позволяет Радбруху избежать оппозиции позитивизма и классического естественного права, а также осудить преступления нацизма, не прибегая к обратной силе закона (т. е. Радбрух не предлагает применять новое законодательство к прежним преступлениям, он говорит, что и прежнее законодательство не было правом, поэтому в его рамках и допускались правонарушения). Здесь, впрочем, создается угроза другому принципу права: верховенству закона и правовой определенности.

В заключение отметим, что «формула Радбруха» породила бурную, продолжавшуюся примерно в течение двух десятилетий дискуссию в западной науке (которую иногда называют «возрождением» естественного права, забывая о роли Р. Штамллера). В Германии до настоящего времени биографии и творчеству Радбруха посвящается множество исследований [17. С. 31-68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бігун В. Філософія правосуддя як критерій розмежування неправового та правового законодавства (прикладна філософія права Г. Радбруха) // Юридична Україна. 2009. №11 (83).
2. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права: Избранные сочинения. СПб., 2004.
3. Кистьяковский Б.А. Причина и цель в праве // Кистьяковский Б.А. Избранное: в 2 ч. Ч. 1. М., 2010.
4. Полсон С.Л. Радбрух про несправедливі закони: суперечливість ранніх та пізніх поглядів? /пер. с англ. // Проблеми філософії права. Т. II. Київ; Чернівці, 2004.
5. Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915.
6. Радбрух Г. Законное неправое и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
7. Радбрух Г. Пять минут философии права // Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
8. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
9. Фролова Е.А. Понятие права в философии Г.Радбруха // Право и государство: теория и практика. 2016. №5(137).

10. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.
11. Götz von Olenhusen A. Gustav Radbruch – Wissenschaft zwischen Recht und Macht. Freiburg, Br., 2010.
12. Heiss G. Sozialistischer Konformismus. Vollerendeter Staat und Anmut des Rechts bei Gustav Radbruch. // Rechts- und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch. Baden-Baden, 2011.
13. Neumann U. Zum Verhältnis der Rechtsgeltung und Rechtsbegriff – Wandlungen in der Rechtsphilosophie Gustav Radbruchs // Die Natur des Rechts bei Gustav Radbruch. Tübingen, 2015.
14. Renzikowski J. Die Radbruchsche Formel – Hintergründe und Wirkungsgeschichte // Rechts- und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch. Baden-Baden, 2011.
15. Saliger F. Content and practical significance of radbruch's formula / Проблеми філософії права. Т.ІІ. Київ; Чернівці, 2004.
16. Scholler H. Gustav Radbruch // Проблеми філософії права. Т. ІІ. Київ; Чернівці, 2004.
17. Schumacher B. Rezeption und Kritik der Radbruchschen Formel. Göttingen, 1985.
18. Schülter P.H. Gustav Radbruchs Rechtsphilosophie und Hans Kelsens reine Rechtslehre. Ein Vergleich (2009).
19. Sendik A. Radbruchsche Formel: Interpretation und Implementation. Marburg, 2002.

Поступила в редакцию 05.10.16

N.A. Shaveko

THE IDEA OF LAW BY GUSTAV RADBRUCH

The article examines the categories of justice, expediency and stability proposed by G. Radbruch for disclosing the idea of law; analyzes the advantages and disadvantages of the relativistic approach to the problem of the legal ideal; reveals the correlation between the views of G. Radbruch and R. Stammler on the legal ideal and the notion of law; analyzes the so-called formula of Radbruch. A scientific discussion is given about G. Radbruch's personal choice from the list of relational goals. It is concluded that although Radbruch considered the desire for justice as a main sign of law, he put justice above stability only in the case of clearly “defective” laws, in which stability ceases to be a “minimum” of justice. It is also stated that, putting the expediency below justice and stability, Radbruch believed that the idea of justice must inevitably be concretized by relational views on expediency.

Keywords: justice, right law, neo-Kantianism, relativism, Radbruch's formula, Radbruch, Stammler, notion of law.

Шавеко Николай Александрович,
научный сотрудник, кандидат юридических наук
Удмуртский филиал Института философии и права
УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nickolai_91@inbox.ru

Shaveko N.A.,
Candidate of Law, Researcher
Institute of Philosophy and Law
of Ural Branch of Russian Academy of Science
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: nickolai_91@inbox.ru